

ПРАВО

УДК 343.121

А.С. Александров, О.И. Андреева, О.А. Зайцев

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Исследуются перспективы развития уголовного процесса в условиях цифровизации. Сделан вывод, что следственная правовая система формирования доказательств, равно как и принятия процессуальных решений, в условиях цифровизации технологически устарела. Предложена модель состязательного уголовного процесса, гарантирующая защиту прав и свобод его участников, в процедуре производства и выработки решений которого задействованы цифровые технологии, сохранен стандарт допустимости доказательств.

Ключевые слова: доказательственное право; уголовное преследование; баланс частных и публичных интересов; состязательное судопроизводство; цифровизация.

Четвертая технологическая революция, связанная с развитием цифровых технологий, происходит в ведущих странах мира, включая Россию. Она сопровождается серьезными изменениями как в социально-экономическом базисе, общественном и индивидуальном сознании, так и в государственно-правовой надстройке [1; 2. С. 7].

Особенностью четвертой технологической революции являются прорывы в самых различных областях, последствием чего происходит синтез технологий и их взаимодействие в физических цифровых и биологических доменах. В качестве технологических трендов выступают большие данные, искусственный интеллект, смешанная реальность, нано- и биотехнологии, которые уже трансформируют общество.

Главным показателем прогресса является мера принятия обществом технологических новшеств [2. С. 17]. Судя по программным документам [3, 4] и выступлениям официальных лиц, предполагается создание цифрового государства, настройка законодательства «на новую технологическую реальность» [5].

Впрочем, пока в планы цифровой трансформации государственного аппарата, отдельных правоохранительных органов и их деятельности проведение масштабных институциональных реформ не входит. Это касается и стратегии развития уголовного судопроизводства [6–8]. Предполагается «оцифровать» деятельность органов государственной власти, осуществляющих предварительное расследование и судебное разбирательство.

Между тем для существующего уголовного судопроизводства цифровизация чревата нарастанием противоречий между следственным и состязательным элементом, что уже негативно сказывается на его эффективности, на защите прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

В стадии возбуждения уголовного дела одним из вызовов, диктуемым современным уровнем развития технологий, является расширение возможностей обращения в правоохранительные органы с

сообщением о правонарушении, в том числе с использованием цифровых технологий.

Между тем действующий уголовно-процессуальный закон не ориентирует правоприменителя на подачу заявления о преступлении с использованием цифровых технологий. В соответствии со ст. 141 УПК РФ заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде. Согласно приказу МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 07.11.2018) [9] подача заявлений о преступлениях возможна не только в устной форме, но и посредством письменного обращения, направленного через оператора почтовой связи с доставкой письменной корреспонденции в здание территориального органа МВД России, федеральной фельдъегерской и специальной связи, почтового ящика. Кроме того, обращение заявителя допускается через официальный сайт территориального органа МВД России. Порядок работы с такими заявлениями предусматривает их распечатку на бумажном носителе и дальнейшую работу с ними как с письменными заявлениями о преступлениях, что не способствует внедрению в уголовный процесс электронного документооборота.

Как следствие, сотрудники дежурных частей органов внутренних дел испытывают существенное увеличение нагрузки, связанной с дублированием поступающей и передаваемой информации в электронном и документарном виде. Несмотря на снижение уровня преступности, возрастает объем бумажной работы, парадоксально связанной с развитием информационных технологий, которой занимаются сотрудники различных подразделений органов внутренних дел по проверке поступающих сообщений о преступлениях. И, что еще хуже, эта деятельность все более нацелена не на внешний, а на внутрисистемный эффект: выработку наиболее удобных для самой системы процессуальных решений, в частности вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с ходатайством об его отмене.

Цифровизация уголовного процесса должна облегчить и упорядочить производство по делу, а не усложнить доступ заинтересованного лица к право-

судию и реализацию права на справедливое судебное разбирательство.

Существующие технологии позволяют упростить порядок обращения граждан и юридических лиц в правоохранительные органы, обеспечив быстроту их реагирования на сообщение, своевременную защиту лица, пострадавшего от правонарушения. В частности, речь может идти о более широком применении гаджетов, используемых человеком. К примеру, технологии IOS-12 позволяют после произнесения определенной фразы перевести телефон в режим «не беспокоить» и переслать текстовое сообщение предварительно указанным контактам, в том числе в полицию, которая может идентифицировать пользователя [10].

Имеются технологии, позволяющие воспрепятствовать злоупотреблению правом при обращении в правоохранительные органы, пресечь случаи подачи заведомо ложных заявлений. В частности, ученые из Мадридского университета имени Карла III и Кардиффского университета в Уэльсе разработали искусственный интеллект – алгоритм VeriPol, способный выявлять ложные заявления в полицию на основании их содержания. Эта технология была протестирована полицией Испании в 2017 г. в двух полицейских департаментах Малаги и Мурсии. В рекордную неделю система выявила 64 ложных заявления. Следователи проверяли выводы VeriPol в личных встречах с заявителями, на очных ставках и допросах. В 83 процентах случаев версия заявителя не подтвердилась, следствием чего стало прекращение уголовных дел [11].

Противоречие между следственным стандартом деятельности органов предварительного расследования и цифровыми технологиями имеет место и в стадии предварительного расследования.

Вызовами, диктуемыми современным уровнем развития технологий в ходе предварительного расследования, являются, прежде всего, изменения в технологиях доказывания.

В настоящее время особое беспокойство вызывает значительный рост преступлений, совершенных в форме мошенничества. Криминальное мошенничество, особенно его технологичная разновидность, является одним из немногих сильно растущих сегментов преступности. Так, в январе–марте 2019 г. количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 10,9% и составило 62 257 [12]. Еще более опасен рост киберпреступности. Так, число преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, увеличилось с 11 тыс. в 2013 г. до 174 тыс. в 2018 г. [13]. За январь–март 2019 г. правоохранительными органами Российской Федерации зарегистрировано 55 209 (+51,4%) преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [12]. При этом уровень их раскрываемости колеблется в пределах 15% [14].

Цифровые технологии расширяют возможности участников уголовного судопроизводства в получении и фиксации информации, имеющей значение для разрешения уголовно-правового спора. Та же технология IOS-12 позволяет после перевода телефона в режим «не беспокоить» фронтальной камере телефона осуществлять запись происходящего, а после окончания записи автоматически рассылать файлы по указанным контактам и сохранять их в облаке [10].

Аппаратно-программные комплексы технических средств «Безопасный город» функционируют в городах в целях мониторинга и предупреждения различных угроз общественной безопасности, правопорядку и безопасной среде обитания. Одним из направлений реализации данного комплекса является предупреждение и выявление правонарушений посредством систем наружного видеонаблюдения, из которых видеоинформация поступает в дежурные части органов внутренних дел [15].

Электронные носители информации могут быть признаны доказательствами по уголовному делу. В отдельных случаях уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен документооборот посредством электронных документов. Сказанное, в том числе, способствует увеличению активности участников уголовного процесса в доказывании по делу.

Между тем доказывание остается полномочием должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и принимающих решение о приобщении представленной информации (документов, предметов) к уголовному делу. Как следствие, иные участники уголовного судопроизводства (в частности, участники со стороны защиты) ограничены в доказывании на этапе предварительного расследования.

Основным средством фиксации остается протокол. Результаты интервьюирования дознавателей и следователей ряда регионов страны свидетельствуют о том, что внедрение цифровых технологий ведет к умножению бумаготворчества в геометрической прогрессии.

Сохранение в качестве основного средства фиксации протокола не соответствует потребностям фиксации, хранения и передачи по процессуальным инстанциям цифровой информации, представленной в электронном виде. Большая ее часть получается в ходе оперативно-розыскной деятельности, а также фиксируется автоматизированными системами контроля в общественных местах. Бесполезным и бессмысленным является копирование такой информации при производстве следственного действия в протокол. Применение технических средств фиксации хода и результатов следственных действий при обнаружении и исследовании следователем, специалистом, другими участниками процесса следов преступления более эффективно, чем протоколирование [16].

Безусловно, когда алгоритмы и технологии начинают влиять на уголовный процесс, они заслуживают особого внимания. В то же время внедрение

цифровых технологий должно быть системным, обеспечивать защиту прав и законных интересов заинтересованных лиц и доступ к правосудию.

К примеру, не решает задачи оптимизации фиксации хода судебного заседания внедрение аппаратно-программного комплекса аудиофиксации судебных заседаний, способного, распознавая речь, составлять тексты протоколов судебных заседаний с приложением аудио- и видеозаписи [17].

Автоматическая расшифровка записи судебного заседания не предполагает изменений в порядке подачи замечаний на протокол судебного заседания, что не способствует защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Еще одним вызовом, диктуемым современным уровнем развития цифровизации, являются изменения в формах принятия решений.

Институциональной причиной большей части организационных, процедурных и правозащитных проблем в применении уголовного закона, вытекающих из сохранения господства следственных стандартов в досудебном производстве, является и существующая форма (формы) принятия процессуальных решений, определяющих траекторию уголовного дела и доказывания, т.е. формирования оснований для актов правоприменения [18. С. 54–58].

Сформированное, при фактическом отсутствии состязательных начал на этапе предварительного расследования, должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование, уголовное дело оказывает существенное и определяющее влияние на принимаемое судом решение о виновности лица в совершении преступления. Об этом свидетельствует процент вынесения оправдательных приговоров (0,2% в 2017 г. и 0,3% в 2018 г. [19, 20]), а также отмечаемое адвокатами в ходе их интервьюирования практически дословное совпадение обвинительных заключений и приговоров, выносимых судами.

Господство следственной власти в этих ключевых моментах правовой организации уголовно-процессуальной деятельности подрывает независимость суда и ставит его в подчиненное положение в принятии решения от органа предварительного расследования.

Полагаем, следственная правовая система формирования доказательств, равно как и выработки, принятия процессуальных решений по применению уголовного закона в условиях цифровизации технологически устарела. Ее необходимо не просто оптимизировать (модернизировать), а полностью менять. В этой связи в цифровую эпоху принципиально важна следующая последовательность в преобразованиях правовой основы противодействия преступности: вначале осуществление реформы досудебного уголовного расследования, а уже потом – цифровая трансформация уголовно-процессуального устройства.

Цифровые технологии позволяют поставить человека в центр уголовного процесса на цифровой платформе государства и обеспечить справедливый

способ установления истины при рассмотрении и разрешении уголовно-правового спора.

Наиболее острое противоречие существует между правовой системой уголовно-правовой охраны экономических отношений и интересами предпринимателей [21]. Так, по мнению представителей бизнеса, институт уголовного преследования стал структурным ограничителем экономического роста; уголовная юстиция превратилось в препятствие для улучшения делового климата [22].

На необходимость более эффективной защиты прав предпринимателей, содействия улучшению делового климата постоянно обращает внимание Президент РФ. В частности, В.В. Путин, выступая 20 февраля 2019 г. с ежегодным Посланием Федеральному Собранию, указал на наличие существенных проблем, ограничивающих свободу предпринимательства:

- высокий риск уголовного или административного наказания;

- прекращение почти половины возбужденных уголовных дел в отношении предпринимателей (до 45%);

- критерии, по которым все сотрудники той или иной компании только по факту совместной работы могут попасть под такой квалифицирующий признак преступления, как группа лиц по предварительному сговору. А это обстоятельство может повлечь за собой применение более строгой меры пресечения в ходе предварительного расследования, и в последующем – более тяжкое наказание;

- продление сроков содержания под стражей без достаточных к тому веских оснований (например, из-за продолжительного времени производства необходимых судебных экспертиз или за счет затягивания процессуальных действий).

С учетом этого, поставлены задачи:

- по созданию специальной цифровой платформы, с помощью которой предприниматели смогут сделать публичной информацию о случаях давления на бизнес, а также добиться рассмотрения вопроса по существу;

- проработке технологических решений и нормативной базы, позволившей запустить данный механизм;

- подготовке регламента работы с обращениями предпринимателей, включая четкие сроки их рассмотрения [5].

Об особой значимости разрешения существенных проблем, ограничивающих свободу предпринимательства, свидетельствует и то, что Президент РФ постоянно конкретизирует задачи, направленные на более эффективную защиту прав и законных интересов предпринимателей. В частности, это произошло на расширенных заседаниях коллегий Министерства внутренних дел РФ (28 февраля 2019 г.), Федеральной службы безопасности РФ (6 марта 2019 г.), Генеральной прокуратуры РФ (19 марта 2019 г.).

С большой вероятностью можно предположить, что вряд ли поможет защитить предпринимателей очередная мера: создание специальной цифровой

платформы, с помощью которой предприниматели смогут сообщать о давлении на бизнес. На эту мысль наводят все предыдущие попытки по созданию особых процессуальных гарантий неприкосновенности субъектов предпринимательской деятельности [23. С. 19].

В то же время проблема создания нормальной государственно-правовой системы противодействия преступности не сводится к защите только интересов предпринимателей.

Цифровые технологии создают предпосылку для качественного преобразования отношений между государственным аппаратом, населением и бизнесом на такой информационно-коммуникативной основе, которая делает возможным прямой диалог субъекта с властью в режиме реального времени, достижение консенсуса в решении основных вопросов уголовного дела.

При этом открытость, публичность, не исключает защиту частного интереса, в которой нуждается каждый человек. Уголовно-процессуальное право в условиях цифровизации должно оставаться гарантией прав личности: прежде всего в том, что касается сохранения персональных данных, а с ними и обеспечения прав личности. Если технические возможности (повсеместное расположение веб-камер, автоматизированные системы контроля, создание многочисленных баз данных о человеке и пр.) будут давать фактические основания для привлечения к уголовной ответственности очень многих, то через институты обвинения и доказывания будет происходить не автоматическое, а избирательное – целесообразное применение уголовного закона.

В будущем важно не только сохранить, но усилить ориентированность организационно-правовой системы противодействия преступности на участниках уголовного процесса, их правах и свободах.

Исходя из указанных установок, предлагаются следующие меры по подготовке уголовно-процессуальной модели к цифровой трансформации. В первую очередь речь идет о пересмотре некоторых фундаментальных установках в сфере методологии наук уголовного, уголовно-процессуального права и других наук, занимающихся проблематикой противодействия преступности.

1. Десакрализация государства и деэтизация теоретико-правовых конструкций, призванных объяснять природу правового регулирования – «механизм правового регулирования». Эту схему, созданную Г.Ф. Шершеневичем, творчески приспособили к советским реалиям С.А. Голунский, М.С. Строгович. А довел ее до совершенства С.С. Алексеев, впоследствии, как известно, во многом пересмотревший свои взгляды [24; 25; 26. С. 8]. Должна быть создана *цифровая платформа*, на которой будет происходить взаимодействие субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Обвинение (иск), правосудие, регистрация прочих действий и решений станут предметом взаимодействия не только должностных лиц правоохранительных органов, судей (присяжных заседателей), сторон, представителей гражданского общества, но

также и «интеллектуальных агентов» (носителей «искусственного интеллекта» [27. С. 11]).

Возможно, в будущем платформенная организация государства на цифровых (квантовых) технологиях приведет к образованию самоорганизующегося кибернетического устройства, в котором искусственный интеллект будет организовывать правовое урегулирование отдельных уголовно-правовых конфликтов.

2. Процесс есть тот единственно возможный способ бытия уголовного права, посредством которого происходит формирование актуального правового средства урегулирования уголовно-правового конфликта. С этим переходом связан ряд других шагов по пересмотру представлений о том, что есть такое привлечение к уголовной ответственности.

2.1. Основание уголовно-правового отношения образуется в виде обвинительных доказательств, нашедших подтверждение в ходе справедливого судебного разбирательства. Пока обвинение из утверждения обвинителя не превратится в утверждения суда в форме обвинительного приговора или иного решения о применении уголовного закона, невозможно речь вести об уголовной ответственности или даже об элементах реализации таковой.

Поскольку основание уголовной ответственности формируется в суде на доказательствах обвинения, постольку основание уголовной ответственности может меняться (в сторону смягчения). Это происходит в результате соглашения сторон, достигаемого в рамках согласительной процедуры, реализуемой после заявления уголовного иска участниками кросс-команды с обеих сторон с использованием медиатора, в том числе интеллектуального агента, агрегированного на цифровой платформе государства.

2.2. Вместо следственной доктрины о «реализации уголовной ответственности» (привлечения к уголовной ответственности, освобождения от нее) должна быть предусмотрена искомая – судебная модель.

Переход на исковую модель обвинения и судебную процедуру предъявления обвинения означает изменение всей структуры уголовного судопроизводства: модернизация досудебного этапа подготовки к судебному разбирательству. В этом состоит суть реформы досудебного уголовного расследования.

2.3. В среднесрочной перспективе видится демополизация обвинения и уголовного расследования – доступ к нему должен быть открыт для частных лиц и их объединений, как заинтересованных в исходе данного конкретного уголовно-правового спора, так и вступивших в него по своей инициативе в виду общественного интереса.

Разумеется, большая часть уголовных расследований будет в обозримую перспективу проводиться государственными органами, однако ставку в будущем надо делать на солидарное участие в противодействии преступности как правоохранителей по должности, так и волонтеров из представителей гражданского общества.

2.4. В цифровой трансформации «обвинительной власти» и ее деятельности видится теоретическая возможность:

(а) «реновации» классической обвинительной модели «*actio popularis*» (народного (общественного) обвинения, коллективного уголовного иска) на технологической платформе (распределенных реестров);

(б) переустройства отношений внутри обвинительной уголовно-процессуальной подсистемы и создание принципиально новой информационной платформы взаимодействия между субъектами обвинения: официальными и неофициальными;

(в) разрешения доктринальной проблемы распределения субъективно-публичного права на уголовный иск между прокуратурой или частным обвинителем – потерпевшим и(или) народным обвинителем (физическое лицо, организация, ассоциация лиц).

В качестве переходного этапа к обвинению, поддерживаемому технологией блок-чейна, перспективным является развитие института субсидиарного уголовного иска как вспомогательного обвинения, расширение пределов применения частного и частного-публичного обвинения.

3. В цифровую эпоху пришло время для пересмотра соотношения публичного и частного начал в правовой организации ключевых уголовно-процессуальных институтов: обвинения и доказывания: из сугубо публично-правовой (следственной) они перемещаются в частно-правовую область [28. С. 76].

Тем самым они становятся доступными для любых пользователей сервисного государства платформенной организации, т.е. представителей населения и бизнеса: им обеспечивается свободный доступ к уголовному правосудию для разрешения правовых споров в сфере экономической деятельности, а также защите своей собственности, неимущественных прав.

4. В технологии доказывания должен произойти концептуальный отказ от самого института уголовного дела, основанного на протоколировании как основном средстве фиксации, деятельности следователя.

В новой теории уголовно-процессуальных судебных доказательств в контексте коммуникативных (цифровых) технологий должно произойти переосмысление стандарта допустимости доказательств, разрешение получать любым не запрещенным законом способом цифровую информацию о предмете уголовно-правового спора и представлять ее суду по телекоммуникационным каналам связи или на электронных носителях, что уравнивает права сторон в самом главном – установлении фактов. Это сделает равными адвоката-защитника, орган публичного уголовного преследования, любого субъекта частного расследования в получении доказательственной информации, представленной в электронном виде – с использованием новых коммуникативных технологий.

В тоже время стандарт допустимости доказательств должен быть в принципиальном плане со-

хранен. Только информация, полученная без нарушения конституционных прав человека и гражданина и других охраняемых законом ценностей, подлежит использованию для выдвижения и обоснования обвинения в суде, а далее – при вынесении приговора.

5. В концептуальном плане уже сейчас надо определиться с пределами использования искусственного интеллекта при подготовке и принятии уголовно-процессуальных решений и в доказывании фактов по уголовному делу.

Искусственный интеллект уже сейчас внедряется в той или иной степени в уголовное судопроизводство разных стран.

Объединенная команда специалистов Пенсильванского и Шеффилдского университетов создала искусственный интеллект, который способен принимать решение по делу. Для этого были использованы алгоритмы для анализа 584 дел Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), касающиеся вопросов, начиная от пыток и унижений до справедливых судебных процессов и неприкосновенности частной жизни. По данным исследования, вердикт, вынесенный искусственным интеллектом, совпал с решением, вынесенным ЕСПЧ в 79 процентах случаев [29].

Что касается принятия искусственным интеллектом (цифровым судьей) итогового решения, необходимо отметить, что пилотные испытания судебных алгоритмов происходят в разных странах [30, 31]. Согласно данным СЕРЕJ, искусственный интеллект уже полноценно применяется в системах правосудия Франции, Великобритании, США и других странах. В перечисленных государствах его используют в основном для анализа данных, но во Франции функционал программ применяется только в пределах гражданского права, а в Великобритании и США – и по уголовным делам [32].

Вместе с тем необходимо отметить, что отношение к использованию искусственного интеллекта в судах разное. Так, глава проекта по созданию искусственного интеллекта, реализуемого командой специалистов Пенсильванского и Шеффилдского университетов, Николас Алетрас заключил, что «Мы не считаем, что ИИ может заменить судей или юристов, но мы думаем, что они нашли бы нашу систему полезной, ведь она может быстро идентифицировать те характеристики дела, которые, скорее всего, приведут к однозначному вердикту. Наша система также может быть ценным инструментом для обнаружения дел, которые вероятнее всего нарушают Европейскую Конвенцию по правам человека [29]».

Профессор юриспруденции и лидерства имени Роя Л. Фермана Гарвардской школы права Лоуренс Лессинг указывает на новые вызовы для законодательной и судебной власти в связи с применением искусственного интеллекта в юриспруденции. В частности, он отмечает, что искусственный интеллект вытеснит огромную часть юридической практики, при этом отметил, что «как это ни удивительно, алгоритмы непредсказуемы... Есть машинные алгоритмы для обработки больших данных,

которые учатся и дают результаты, которые никто в них не закладывал... искусственный интеллект не может делать вообще все, но сторонам и не нужно, чтобы он делал все, им нужно оставить судье возможность вмешаться и направить все в нужное русло [33]».

Подобной позиции придерживается судья Верховного Суда Российской Федерации В. Момотов, полагающий, что искусственный интеллект не сможет заменить судью в силу того, что судья при вынесении решения руководствуется целым рядом оценочных и ценностных критериев, закрепленных в законе, например принципом справедливости и гуманизма при назначении наказания, требованием разумности и добросовестности [34].

Европейская комиссия по эффективности правосудия приняла Хартию об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах. По мнению комиссии, искусственный интеллект может способствовать повышению качества и эффективности работы судов, но его внедрение должно производиться ответственным образом и не нарушать положений Европейской Конвенции о правах человека и Конвенции о защите личных данных. В хартии обозначено пять основных принципов:

- принцип уважения фундаментальных прав – разработка и внедрение искусственного интеллекта не должна нарушать фундаментальные права человека;

- принцип отказа от дискриминации – предотвращение появления или усиления дискриминации в отношении отдельных людей и групп;

- принцип качества и безопасности – обработка судебных решений и данных должна проводиться в технически защищенной обстановке, на основании проверенных источников и с применением моделей, разработанных специалистами нескольких научных дисциплин;

- принцип открытости, беспристрастности и честности – методы обработки данных должны быть доступными и понятными для возможности проверки третьей стороной;

- принцип контроля со стороны пользователя – пользователи должны владеть правом выбора и необходимой информацией [35].

Из положений Хартии вытекает, что судья должен иметь возможность пересмотреть решение, предложенное искусственным интеллектом, и принять собственное решение, а участники уголовного судопроизводства должны быть наделены правами непосредственного обращения к суду и обжалования решения, принятого с помощью искусственного интеллекта.

Наиболее перспективными направлениями замены человека «интеллектуальным агентом» в уголовном процессе можно считать:

- (а) оперативное реагирование на сигнал о преступлении, поступающий по любому техническому каналу связи от любого источника;

- (б) использование «больших данных», систем учетов при установлении личности преступника и его мотивов;

- (в) осуществление машинного взаимодействия при установлении признаков состава преступления;

- (г) подготовку проектов обвинений, судебных решений и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад / кол. авторов под науч. руководством В.Н. Княгинина. М., 2017. URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>. (дата обращения: 02.05.2019).
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция (пер. с англ.). М. : Эксмо, 2017. 208 с.
3. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687> (дата обращения: 02.05.2019).
4. Программа развития Цифровой (электронной) экономики в РФ до 2035 года, представленная Центром изучения Цифровой (электронной) экономики. URL: <http://aetp.ru/news/item/410256> (дата обращения: 02.05.2019).
5. Путин В. Послание к Федеральному Собранию. 20 февраля 2019 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work> (дата обращения: 02.05.2019).
6. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347). Приложение № 13 «Судебная реформа». URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/13.-SUDY-28.02.17.pdf> (дата обращения: 02.05.2019).
7. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347). Приложение № 14 «Реформа уголовного экономического законодательства». URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/14.-UGOLOVKA-28.02.17-1.pdf> (дата обращения: 02.05.2019).
8. Есаков Г.А. и др. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). М. : ЦСР Институты и общество. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>. (дата обращения: 02.05.2019).
9. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 07.11.2018) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Консультант Плюс. Версия Проф.
10. 150 быстрых команд Siri iOS 12 для различных ситуаций. URL: https://www.iguides.ru/main/os/150_bystrykh_komand_ios_12_dlya_razlichnykh_situatsiy (дата обращения: 30.08.2019).
11. Ученые из Уэльса и Испании разработали ПО, оказавшееся настолько эффективным, что его на вооружение взяли испанские полицейские. Алгоритм VeriPol определяет, на какие заявления полиции не стоит тратить силы. URL: <https://hightech.plus/2018/10/29/ii-detektor-lzhi-vichislyayet-vruna-po-ego-pismam> (дата обращения: 30.08.2019).
12. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за январь–март 2019 г. Генеральная прокуратура РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 30.08.2019).
13. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. Декабрь 2018 г. Генеральная прокуратура РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 30.08.2019).

14. Выступление министра внутренних дел Российской Федерации В.В. Колокольцева на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. 28 февраля 2019 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 30.08.2019).
15. Тищенко Е.В., Саядова А.С. Технологические инновации в области профилактики преступности: тенденции и риски // Российский следователь. 2019. № 5. С. 62–66.
16. Андреева О.И., Зайцев О.А. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных доказательств // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та. 2018. Ч. 79. С. 4–16.
17. Протоколы в судах будут составлять автоматические распознаватели речи. URL: <https://pravo.ru/news/204537/> (дата обращения: 09.09.2019).
18. Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. С. 54–58.
19. Итоги 2018 от Верховного суда: уголовные дела. URL: <https://pravo.ru/story/209060/> (дата обращения: 09.09.2019).
20. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 09.09.2019).
21. Зайцев О.А. Современные тенденции и проблемы реализации уголовно-процессуальной политики в Российской Федерации // Конституционная реформа и модернизация общественного сознания : материалы междунар. науч.-практ. конф. Алматы, 2018. С. 35–41.
22. Хартия защиты бизнеса, составленная по итогам уголовного форума в г. Ростов-на-Дону 13 февраля 2017 г. URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story (дата обращения: 09.09.2019).
23. Александров А.С., Александрова И.А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М. : Юрлитинформ, 2017. 607 с.
24. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1940. 304 с.
25. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966.
26. Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Государство и право. 1991. № 2. С. 3–11.
27. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.
28. Зайцев О.А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 73–81.
29. Искусственный интеллект научили предсказывать судебные решения в делах по нарушению прав человека. URL: <https://habr.com/ru/post/398519/> (дата обращения: 09.09.2019).
30. Заплата Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник университета О.Е. Кутафина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-voprose-vyneseniya-sudebnyh-resheniy-ili-ii-sudya> (дата обращения: 09.09.2019).
31. Цифровой судья. URL: <https://hightech.plus/2019/03/26/robot-sudya-budet-rassmatrivat-melkie-iski-v-estonii>
32. CE утвердил регламент применения искусственного интеллекта в правосудии. URL: <https://pravo.ru/news/210547/> (дата обращения: 09.09.2019).
33. Искусственный интеллект приведет к массовому изгнанию широкого пласта юристов // Интервью с Лоуренсом Лессигом. URL: <https://zakon.ru/discussion/2019/05/22/iskusstvennyj-intellekt-privedyot-k-massovomu-izgnaniyu-shirokogo-plasta-yuristov-intervyu-s-louren> (дата обращения: 09.09.2019).
34. Момотов рассказал, почему искусственный интеллект никогда не заменит судью. URL: <https://pravo.ru/news/210547/> (дата обращения: 09.09.2019).
35. Совет Европы принял хартию о судебном применении искусственного интеллекта. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043.html (дата обращения: 09.09.2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 сентября 2019 г.

On Development Prospects of the Russian Criminal Proceeding in the Context of Digitalization

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 199–207.

DOI: 10.17223/15617793/448/25

Alexander S. Alexandrov, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: anrc@rambler.ru

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: univer_tgu@rambler.ru

Oleg A. Zaytsev, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim@izak.ru

Keywords: evidence law; criminal prosecution; balance of private and public interests; adversarial proceeding; digitalization.

The aim of this article is to determine the development prospects of Russian criminal proceeding in the context of digitalization. On the basis of policy documents and statements of officials, the authors come to the conclusion that extensive institutional reforms are not in the plans of the digital transformation of state authorities and its activities nowadays. Using a dialectical approach, a sociological method, methods of comparative analysis, system and structural analysis and synthesis of social and legal phenomena, deductive and inductive conclusions, based on changes of criminal proceeding laws, on legal practice, the authors designate challenges for criminal proceeding, dictated by the modern level of the advances in technology. These challenges are: extension of opportunities to apply to law-enforcement authorities with a report of a crime, including using digital technology; changes in proof techniques; changes in forms of decision-making. The authors come to the conclusion that criminal proceeding in the digital era should be based on a new correlation of public and private interests. Digitalization is inherent in the growth of contradictions between investigative and adversarial elements for existing criminal proceeding. Digitalization should simplify and regulate proceeding on the case rather than make a person's access to justice more complicated. In proof techniques, the institution of criminal case based on record-keeping as the main means of fixation of the investigator's activity should be conceptually denied. In the new theory of criminal procedural judicial evidence in the context of digital technology, standards should be reconsidered of evidence admissibility, of permission to get any digital information on the subject of a criminal case, which is not forbidden by law, and to present it to the court via telecommunication channels or electronically, which can make the rights of the parties equal in the determination of facts. However, the standard of admissibility of evidence must be preserved. Only information, received without violations of the constitutional rights of a person and other values protected by law, can be used for bringing charges and proving evidence before the court, and then – for bringing in a verdict. Basing on the analysis of the statistics and lawyers' opinions, the authors conclude that a criminal case, formed in the factual absence of adversarial sources at the stage of preliminary investigation, has an essential and decisive influence on the court's decision over a person's guilt in a crime, which compromises the sovereignty of the court. It is noted that, in future, it is im-

portant not only to preserve, but also to increase the focus of the institutional legal system of crime prevention on participants of criminal proceeding, their rights and freedoms. Measures are proposed on the preparation of the criminal proceeding model to digital transformation.

REFERENCES

1. Knyagin, V.N. et al. (2017) *Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii: ekspertno-analiticheskiy doklad* [New technological revolution: challenges and opportunities for Russia: An expert analytical report]. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok. [Online] Available from: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>. (Accessed: 02.05.2019).
2. Schwab, K. (2017) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
3. Pravo.gov.ru. (2017) *Ukaz Prezidenta RF ot 9 maya 2017 goda № 203 "O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of 9 May 2017 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687>. (Accessed: 02.05.2019).
4. Aetp.ru. (2019) *Programma razvitiya Tsifrovoy (elektronnoy) ekonomiki v RF do 2035 goda, predstavlenaya Tsentrom izucheniya Tsifrovoy (elektronnoy) ekonomiki* [The Program for the Development of Digital (Electronic) Economy in the Russian Federation until 2035, presented by the Center for the Study of Digital (Electronic) Economy]. [Online] Available from: <http://aetp.ru/news/item/410256>. (Accessed: 02.05.2019).
5. Putin, V. (2019) *Poslanie k Federal'nomu Sobraniyu. 20 fevralya 2019 goda* [Address to the Federal Assembly. February 20, 2019]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work>. (Accessed: 02.05.2019).
6. Russian Federation. (2016) *Srednesrochnaya programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii do 2025 g. "Strategiya rosta" (Programma razrabotana v ramkakh porucheniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 14 iyulya 2016 g. № Pr-1347). Prilozhenie № 13 "Sudebnaya reforma"* [The medium-term program of the socio-economic development of Russia until 2025 "Growth Strategy" (the program was developed as part of the order of the President of the Russian Federation No. Pr-1347 of 14 July 2016). Appendix No. 13 "Judicial Reform"]. [Online] Available from: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/13.-SUDY-28.02.17.pdf>. (Accessed: 02.05.2019).
7. Russian Federation. (2016) *Srednesrochnaya programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii do 2025 g. "Strategiya rosta" (Programma razrabotana v ramkakh porucheniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 14 iyulya 2016 g. № Pr-1347). Prilozhenie № 14 "Reforma ugolovno-ekonomicheskogo zakonodatel'stva"* [The medium-term program of the socio-economic development of Russia until 2025 "Growth Strategy" (the program was developed as part of the order of the President of the Russian Federation No. Pr-1347 of 14 July 2016). Appendix No. 14 "Reform of criminal economic legislation"]. [Online] Available from: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/14.-UGOLOVKA-28.02.17-1.pdf>. (Accessed: 02.05.2019).
8. Esakov, G.A. et al. (2017) *Ugolovnaya politika: dorozhnaya karta (2017–2025 gg.)* [Criminal policy: A roadmap (2017–2025)]. Moscow: TsSR Instituty i obshchestvo. [Online] Available from: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>. (Accessed: 02.05.2019).
9. Konsul'tant Plyus. (2018) *The order of the RF Ministry of Internal Affairs No. 736 of 29 August 2014 (as amended on 7 November 2018) "On approval of the Instructions on the procedure for receiving, registering and resolving applications and reports on crimes, administrative offenses, and incidents in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"*. Moscow: Konsul'tant Plyus. (In Russian).
10. Iguides.ru. (2019) *150 bystrykh komand Siri iOS 12 dlya razlichnykh situatsiy* [150 quick Siri commands for iOS 12 for various situations]. [Online] Available from: https://www.iguides.ru/main/os/150_bystrykh_komand_ios_12_dlya_razlichnykh_situatsiy. (Accessed: 30.08.2019).
11. Hightech.plus. (2018) *Uchenye iz Uel'sa i Spanii razrabotali PO, okazavsheesya nastol'ko effektivnym, chto ego na vooruzhenie vzyali ispanskie politseyskie. Algoritm VeriPol opredelyaet, na kakie zayavleniya politzii ne stoit trazit' sily* [Scientists from Wales and Spain have developed software that has proven so effective that it was adopted by the Spanish police. The VeriPol algorithm determines which police statements are worth the effort]. [Online] Available from: <https://hightech.plus/2018/10/29/ii-detektor-lzhi-vichislyayet-vruna-po-ego-pismam>. (Accessed: 30.08.2019).
12. Office of the Prosecutor General of the Russian Federation. (2019) *Ezhemesyachnyy sbornik o sostoyanii prestupnosti v Rossii za yanvar'–mart 2019 g.* [Monthly digest on the state of crime in Russia for January–March 2019]. [Online] Available from: <http://crimestat.ru/analytics>. (Accessed: 30.08.2019).
13. Office of the Prosecutor General of the Russian Federation. (2018) *Ezhemesyachnyy sbornik o sostoyanii prestupnosti v Rossii. Dekabr' 2018 g.* [Monthly digest on the state of crime in Russia for December 2018]. [Online] Available from: <http://crimestat.ru/analytics>. (Accessed: 30.08.2019).
14. Kolokol'tsev, V.V. (2019) *Vystuplenie ministra vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii V.V. Kolokol'tseva na ezhegodnom rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. 28 fevralya 2019 goda* [Speech by the Minister of the Interior of the Russian Federation V.V. Kolokol'tsev at the annual expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. February 28, 2019]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913>. (Accessed: 30.08.2019).
15. Tishchenko, E.V. & Sayadova, A.S. (2019) *Technological Innovations in Crime Prevention: Tendencies and Risks. Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 62–66. (In Russian).
16. Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2018) *Problems of use of electronic documents in criminal proceedings. In: Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 79. Tomsk: Tomsk State University. pp. 4–16. (In Russian). DOI: 10.17223/9785946217637/1
17. Pravo.ru. (2018) *Protokoly v sudakh budut sostavlyat' avtomaticheskie raspoznavateli rechi* [Automatic speech recognizers will make protocols in courts]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/204537/>. (Accessed: 09.09.2019).
18. Polyanskiy, N.N. (1927) *Ocherki obshchey teorii ugolovnogo protsesssa* [Essays on the general theory of the criminal procedure]. Moscow: Koop. izd-skoe t-vo "Pravo i zhizn". pp. 54–58.
19. Pravo.ru. (2018) *Itogi 2018 ot Verkhovnogo suda: ugolovnye dela* [The results of 2018 from the Supreme Court: criminal cases]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/story/209060/>. (Accessed: 09.09.2019).
20. Cdep.ru. (2018) *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2018 god* [Summary statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2018]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>. (Accessed: 09.09.2019).
21. Zaytsev, O.A. (2018) *Sovremennye tendentsii i problemy realizatsii ugolovno-protsessual'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii* [Modern trends and problems of the implementation of the criminal procedure policy in the Russian Federation]. *Konstitutsionnaya reforma i modernizatsiya obshchestvennogo soznaniya* [Constitutional reform and modernization of public consciousness]. Proceedings of the International Conference. Almaty: [s.n.]. pp. 35–41. (In Russian).
22. Facebook. (2017) *Khartiya zashchity biznesa, sostavlenaya po itogam ugolovnogo foruma v g. Rostov-na-Donu 13 fevralya 2017 g.* [Business Protection Charter, compiled by the results of the criminal forum in Rostov-on-Don on February 13, 2017]. [Online] Available from: https://www.facebook.com/Khartiya-Zashchity-Biznesa-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story. (Accessed: 09.09.2019).
23. Aleksandrov, A.S. & Aleksandrova, I.A. (2017) *Sovremennaya ugolovnaya politika obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti putem protivodeystviya prestupnosti v sfere ekonomiki* [The modern criminal policy of ensuring economic security by combating crime in the economic sphere]. Moscow: Yurlitinform.

24. Golunskiy, S.A. & Strogovich, M.S. (1940) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Yuridicheskoe izd-vo NKYu SSSR.
25. Alekseev, S.S. (1966) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
26. Alekseev, S.S. (1991) Pravo: vremya novykh podkhodov [Law: The time for new approaches]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 3–11.
27. Vlasova, S.V. (2018) Toward adjusting the criminal procedural mechanism to digital reality. *Biblioteka kriminalista*. 1. pp. 9–18. (In Russian).
28. Zaytsev, O.A. (2019) Trends in Contractual Relationships in Russian Criminal Procedural Law. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 73–81. (In Russian). DOI: 10.12737/art_2019_1_7
29. Habr.com. (2016) *Iskusstvennyy intellekt nauchili predskazyvat' sudebnye resheniya v delakh po narusheniyu prav cheloveka* [Artificial intelligence was taught to predict court decisions in cases of violation of human rights]. [Online] Available from: <https://habr.com/ru/post/398519/>. (Accessed: 09.09.2019).
30. Zaplatina, T.S. *Iskusstvennyy intellekt v voprose vyneseniya sudebnykh resheniy, ili II-sud'ya* [Artificial intelligence in making judicial decisions, or an AI judge]. *Vestnik universiteta O.E. Kutafina – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-voprose-vyneseniya-sudebnyh-resheniy-ili-ii-sudya>. (Accessed: 09.09.2019).
31. Hightech.plus. (2019) *Tsifrovoy sud'ya* [Digital Judge]. [Online] Available from: <https://hightech.plus/2019/03/26/robot-sudya-budet-rassmatrivat-melkie-iski-v-estonii>.
32. Pravo.ru. (2018) *SE utverdil reglament primeneniya iskusstvennogo intellekta v pravosudii* [Council of Europe approved the rules for the use of artificial intelligence in justice]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/210547/>. (Accessed: 09.09.2019).
33. Zakon.ru. (2019) *Iskusstvennyy intellekt privedet k massovomu izgnaniyu shirokogo plasta yuristov* [Artificial intelligence will lead to the massive expulsion of a wide layer of lawyers]. Interview with Lawrence Lessig. [Online] Available from: https://zakon.ru/discussion/2019/05/22/iskusstvennyj-intellekt-privedyot-k-massovomu-izgnaniyu-shirokogo-plasta-yuristov__intervyu_s_louren. (Accessed: 09.09.2019).
34. Pravo.ru. (2019) *Momotov rasskazal, pochemu iskusstvennyy intellekt nikogda ne zamenit sud'yu* [Momotov explains why artificial intelligence will never replace a judge]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/210547/>. (Accessed: 09.09.2019).
35. Rapsinews.ru. (2018) *Sovet Evropy prinyal khartiya o sudebnom primenenii iskusstvennogo intellekta* [The Council of Europe adopted a charter on the use of artificial intelligence in justice]. [Online] Available from: http://rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043.html. (Accessed: 09.09.2019).

Received: 20 September 2019